

Поль ВИРИЛЬО И «ПЛОСКАЯ ЗЕМЛЯ» В ПОЛЕ ВИДИМОСТИ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-57-62>

М. Г. Григорьева

Журнал «КАНТ», издательство «Ставролит»,
Ставрополь, Российская Федерация,
e-mail: info@stavrolit.ru

Аннотация. Данное исследование подготовлено в продолжение работы по феноменологическому раскрытию пространства [2] и обращено к тому, как в нашем восприятии пространство постепенно уплощается, сужается и теряет видимость, когда не находится под присмотром осветительных приборов. В статье анализируются работы Поля Вирильо, чьи статьи, эссе и рукопись, посвященная «кризису измерений», пока не оказывались в фокусе внимательного разбора. Сосредоточенный на скорости света и миграции того, с чем раньше человек имел тактильную близость, в универсальную форму цифровых битов, Вирильо обеспокоен тем, что отношения со средой обитания приходят в упадок. Параллельно с этим совершенствование системы транспорта и возможность попасть в любую точку за считанные часы лишает нас веры в непостижимость и громадность мира. Поэтому последующие десятилетия будут сопряжены с процессами переселения и столкновения культур, исходом географии и самого пространства, отступающего перед полотном времени, движение которого продолжает нарастать. В результате анализа в концепции Поля Вирильо условно можно выделить три сектора: близость и дальность как ориентация в пространстве и связь с местом; прозрачность и объем как условия переживания наличия и отсутствия; предел и безграничность как опыт восприятия безопасности.

Ключевые слова: восприятие пространства, феноменология, Поль Вирильо, среда обитания, киберпространство, город.

Для цитирования: Григорьева М. А. Поль Вирильо и «плоская Земля» в поле видимости: к проблеме изменения и восприятия пространства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №2 (118). С. 57–62. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-57-62>

PAUL VIRILIO AND THE «FLAT EARTH» IN THE FIELD OF VISIBILITY: TO THE PROBLEM CHANGES IN THE PERCEPTION OF SPACE

Marina A. Grigorieva

Magazine "KANT", Publishing house "Stavrolite",
Stavropol, Russian Federation,
e-mail: info@stavrolit.ru

ГРИГОРЬЕВА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «КАНТ»,
Издательство «Ставролит»

GRIGORIEVA MARINA ANATOLIEVNA – CSc in Political Sciences, Chief-editor of the scientific journal
«КАНТ», Publishing house «Stavrolit»

© Григорьева М. А., 2024

Abstract. This study was prepared in continuation of the work on the phenomenological disclosure of space [2] and addresses how in our perception it gradually flattens, narrows and loses visibility when it is not under the supervision of electrical devices. The article analyzes the works of Paul Virilio, whose articles, essays and manuscript dedicated to the “Measurement Crisis” have not yet been the focus of careful analysis. Focused on the speed of light and the migration of everything we've ever had tactile intimacy with into the universal form of digital bits, Virilio is concerned that the relationship with the environment is in decline. In parallel with this, the improvement of the transport system and the ability to get to any point in a matter of hours deprives us of faith in the incomprehensibility and enormity of the world. Therefore, the next decades will be associated with processes of relocation and clash of cultures, the outcome of geography and space itself, retreating before the canvas of time, the movement of which continues to increase. As a result, in Paul Virilio's concept three sectors can be conventionally distinguished: proximity and distance as orientation in space and connection with place; transparency and volume as conditions for the experience of presence and absence; limit and boundlessness as the experience of the perception of security.

Keywords: perception of space, phenomenology, Paul Virilio, habitat, cyberspace, city.

For citation: Grigorieva M. A. Paul Virilio and the «flat Earth» in the field of visibility: to the problem changes in the perception of space. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 2 (118), pp. 57–62. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-57-62>

Наши отношения с окружающей средой обитания, опосредованные вторжением электрического света, навсегда изменились. Восторг, с которым в 1964 году Маршалл Маклюэн предвидел очертания грядущих грандиозных возможностей мгновенной скорости для передачи информации [12], к 1980 году сменяется для него чередой разочарований. Плоды познаний, обещающие, как он надеялся, осветить весь мир и сбросить завесу тайны, укрывающую его, оказались отравленными, а человек, оказывается, не предназначен для жизни со скоростью света, которая, по его словам, «изолирует и без того фрагментированных участников коммуникации» [11, с. 32]. В результате ускорения мы можем рассчитывать только на социальные побочные эффекты, связанные с отсутствием привязанностей и утратой нити коммуникации на фоне растущей миграции реальности в область киберпространства. Поэтому последующие десятилетия неизбежно будут сопряжены с процессами перерасселения и столкновения культур, исходом географии и самого пространства, отступающего перед полотном времени. По крайней мере, в ожидании трансатлантического перелета или поездки на поезде из Москвы в Нью-Дели первым делом мы бросаемся к «часам», а не к «кило-

метрам», если только не планируем пешие прогулки. Расстояние теперь воспринимается как простая условность, точно так же, как и заоблачная высота, на которую «забирается» самолет, не приводит нас в оцепенение, пока мы, исполняя роль его добровольных узников, слепо следуем заданному маршруту. Таким образом, область пространства теперь, в определении Поля Вирильо, обусловлена тем, что из темноты выхватывает «луч» искусственного света [15, с. 46]; «освещенная и выделенная прожектором», она по-настоящему существует для нас в этот момент, тогда как всё остальное остается в зоне невидимости. Светящиеся плоскости экранов и скорость «света», на которой они поставляют информацию, закономерно сужают и уплощают мир.

К тому, что мир в нашем восприятии становится плоским, впервые в своих эссе и статьях обращается Вилем Флюссер [6; 8]. Его мысль отталкивается от того, как мы смотрим на невозмутимую гладь атласа с нанесенными на нее изгибами рек, океаническими течениями, линиями гор и спящих вулканов. Расположившись на бумаге, они только подразумевают рельефность, но не обнажают глубины пространства [8, с. 1, 9]. И когда Поль Вирильо приступает к проблеме

источнения оптической толщины ландшафта мира перед всепоглощающей емкостью экрана, можно сказать, что она [проблема] досталась ему практически нетронутой. Начиная с 1983 года, он обращается к ней, по крайней мере, в пяти работах [14; 15; 16; 17; 19]. Когда речь идет о Вирильо с его симфоническим звучанием, в котором смысл и ритм нарастают с каждой строкой, очевидно, что он рассчитывает на наше воображение, чтобы мы могли хорошо представить, как «линия горизонта, ограничивающая перспективы наших путешествий, сливается теперь с горизонтом экрана или иллюминатора» [16, с. 76]. Возможно, по той же причине – музыкальности слова – «Информационная бомба» Поля Вирильо и его «Машина зрения» пока не попали в поле видимости читателя настолько, насколько Ролан Барт и Жак Деррида, Жиль Делёз и Жан Бодрийяр. Поэтому его наследие только предстоит разбирать.

За последние два года в отечественной науке ему были посвящены, по крайней мере, две работы. Это вступительное слово К. Б. Романова и Д. Берка [4], предваряющее публикацию серии лекций Поля Вирильо в Ла-Рошель в 2007 году, и обзорная статья А. Б. Николаевой [3], построенная вокруг анализа информационного насилия и тревожных симптомов настоящего. Ранее к аспектам телесного измерения опыта у Вирильо и, в общем, к тому, как строятся наши отношения с вещами и пространством через прикосновение, через объем, массу, плотность и протяжение, обращается А. М. Сидоров [5]. В большинстве случаев анализ затрагивает наиболее известные труды Вирильо и практически не включает его поздние эссе и статьи. Так, С. Редхед [13] разбирает искусство катастрофы в «Оригинальной аварии», идею написания которой Вирильо вынашивал более десяти лет и смог приступить к ее воплощению уже после выхода на пенсию и отъезда из Парижа на побережье в Ла-Рошель. Полная смена обстановки стала для него чем-то наподобие кораблекрушения, так как клаустрофобия долгое время не позволяла ему предаваться путешествиям.

Поэтому он, как никто другой, способен был проникнуться концепцией Мишеля де Серто [7, с. 113] о временном заключении пассажира внутри железной клетки вагона поезда, по-своему раскрывающей образ пространства, проплывающего снаружи.

Для Вирильо события, предшествующие аварии, носят неотвратимый характер, заложенный в устройстве любого технического объекта, который буквально движется навстречу крушению и катастрофе. В свою очередь, абсолютную скорость света и электромагнитных волн можно представить как огромный поезд и, значит, как «идеальное» условие для того, что может произойти одновременно со всем миром, – информационный взрыв в результате несоблюдения скоростного режима и утраты контроля над ситуацией. Поэтому Д. Хилл [9] устанавливает фокус именно на жажде скорости, под давлением которой мы теряем пространство и нашу оценку пространственных мест и вещей. Отношениями между пространством и временем, по версии Вирильо, находящимися на грани тотального разрыва, в равной степени увлекается и Ли Тянь [10], но он разворачивает анализ в сторону того, что технологии постепенно отказывают нам в необходимости вести подвижный образ жизни. Так что утратившее активность «тело уже не переплетается с физическим телом мира» [10, с. 109] и теряет связь – как с ним, так и с социальной тканью. Акт коммуникации сводится к чисто инертному приему и пассивной передаче сигналов и носит процедурный характер.

Будучи архитектором и критиком технического искусства, Вирильо находит признаки нарушения коммуникации и в том, как перекраивается облик городской среды, в визуальном шуме которой ведение диалога становится невозможным. Громоздкие плиты рекламных щитов, змеящиеся линии бегущих строк, бесчисленные гнезда одноглазых камер видеонаблюдения, скрывающихся за оскалом вывесок, привносят новую перспективу, лишенную горизонта и меняющую традиционные концепты «границы» и «поверхности».

По крайней мере, линия улицы, прежде устремлявшаяся по направлению к центральной площади, втекает теперь прямиком в препятствующий ей путь билборд. Нарушение структуры города и его перекройка, погружение ансамбля зданий в воинственное противостояние друг с другом – нечто большее, чем дисгармония. Оно обозначает «смену великого нарратива» с его последовательностью причин и следствий упадком «общих идеалов иprotoоснования смысла Истории» [14, с. 17], в результате которого появляются ограниченные и оторванные друг от друга миクロнарративы. Лишенная беспрерывности История, по Вирилью, влечет кризис размерности, кризис целого, обнажающего распад фигуры и случайные связи.

Свои наблюдения за меняющейся картиной города в 1983 году Вирилью собирает под обложкой «Кризис измерений» [14]. Рукопись состоит из четырех частей: «Пересеченный город», «Морфологический взрыв», «Невероятная архитектура» и «Потерянное измерение». Здесь заложены идеи, которые он разрабатывает в последующих эссе. Всё, что имеет отношение к концепции «упощенния Земли», условно можно поделить на три сектора: 1) близость и дальность как ориентация в пространстве и связь с местом; 2) прозрачность и объем как условия переживания наличия и отсутствия, наполненности и пустоты; 3) предел и безграничность как опыт восприятия безопасности.

Опыт взаимодействия с физическим пространством позволяет нам оценивать его с позиции «далеко» и «близко». Мы снова вынуждены вернуться к началу, чтобы поверить в то, что «Земля плоская», когда оптика оседала и колонизировала наши органы зрения. Микроскопы и телескопы увеличивают бесконечно малое до огромного, превращают бесконечно далекое в близкое. Благодаря этому плоские экраны способны устроить встречу-телемост Сатурна с инфузорией-туфелькой. По крайней мере, когда разрыв между «дальним» и «ближним» постепенно исчезает [14, с. 5], горизонт на экране обра-

щается в линию, которая «существует только для того, чтобы подтвердить для нас относительную плоскость реального пространства» [19, с. 97]. А изображение рельефа на снимке со спутника только подразумевает впадины и возвышенности, осознать которые до конца невозможно, не ощущив на себе их физического присутствия, поэтому иллюзия «здесь и там» оказывается краткосрочной. Электронно-лучевой экран стирает эти оппозиции, когда фактически изображение, «где тени и призраки танцуют, предвкушая скорое исчезновение» [14, с. 19] из поля видимости, неподвижно застыло на стене и не меняет своего местоположения. В этот момент ландшафт, предъявленный на экране, терпит поражение в попытке доказать наличие не просто объектов, меньших размеров или больших, но того, что воздействует на изменение их размеров – расстояние и перемещение в пространстве.

Сохранение оппозиций – таких как *день и ночь, свет и мрак, глубина и поверхность, статика и движение* – необходимо не только для удержания баланса, который нарушается с растяжением суток за счет повсеместной электрификации в ночное время. Еще в большей степени это нужно для того, чтобы сформировать нашу способность ориентироваться в мире, овладеть «схемой ориентации» [1, с. 111] в пространстве. Поле зрительного восприятия, не зависящее от дня и ночи, постоянно в состоянии мобилизации, а бесконечный поток образов держит его в напряжении, пока рефлексия уступает место рефлексу «смотреть». Время для размышлений ослабляется требованиями мгновенного реагирования. Искажение восприятия пространства кардинально меняет мышление и порождает «кризис ориентиров» (в том числе этических и эстетических), «неспособность подвести итоги событий в среде, где видимость против нас» [14, с. 16]. Растиущая диспропорция между информацией, поставляемой медиа, и непосредственно полученным опытом взаимодействия со средой имеет тенденцию необдуманно отдавать предпочтение первому перед вторым. В то время как именно непосредствен-

ный опыт позволяет нам стать частью чего-то, быть дома, покидать его или направляться к нему, отсылающее к переживанию разрыва или воссоединения, нарушению или восстановлению коммуникативных связей с местом [18, с. 40] и его обитателями и позволяющее убедиться в наличии и отсутствии чего-либо. Прозрачность Поль Вирильо видит за обезображивающими образ города изображениями [16, с. 76–78], за которыми скрываются нарушение его монументальности и утрата физической опоры, рельефности, присущей ему статики, постоянства и объема [14, с. 69–72]. Это обостряет и разрушает устоявшиеся материальные структуры. Кроме того, Поля Вирильо беспокоит «отсутствие ворот и городской ограды» [14, с. 4], так что невидимая черта города делает невозможным определить, где находится вход и выход, здесь и там. Город без дверей начинается с осознания тревоги, охватывающей тех, кто возвращается из длительного отпуска и боится обнаружить, что их дом разграблен. Лишенный своих объективных границ архитектонический элемент начинает «дрейфовать, плавать в электронном эфире» [14, с. 4], где в поле видимости попадает только то, что освещено световым излучением приборов. Соответственно, в нем уже невозможно укрыться, оставаться в безопасности, очевидно, связанной с осознанием пределов, опоры непроницаемых стен, окутывающих тайной частную жизнь. В отличие от предела, «безграничное» не имеет конкретных координат и измерения и направлено на постоянное расширение.

В заключение можно сказать, что пространство, исключенное из опыта видимости, если оно не находится под присмотром осветительных приборов, перестает существовать, уступая свое место ритму и скорости, то есть машинному времени и его влиянию на среду, коллективные практики общения и коммуникацию в постиндустриальной современности. Техника, пережевывающая пространство и сужающая его благодаря совершенствованию системы транспорта, погружает нас в тотальное мироотрижение, следующее из непри-

ятия того, что мир непостижим и громаден.

Это равнодушие по отношению к тому, что нас окружает, то есть к среде, переключается и на социальное пространство, состоящее из лишенных смысла мгновенных непоследовательных коммуникаций, что знаменует собой конец внешнего мира, или «забвение пространства ради единственного преимущества настоящего момента» [17, с. 18]. При этом ландшафт, отвечающий за нашу способность ориентироваться в мире, восприятие расстояния – того, что располагается дальше или ближе – определяет нашу связь с воспоминаниями, ощущением близости и сопричастности, памятью о доме и счастье. Отступление его (перед магнитическим светом экрана) кардинально меняет мышление и, следовательно, дезориентирует в пространстве, парализует воспоминания, навязывает чувство бесприютности, угрожает дефицитом счастья, синдромом хронической усталости и потерей потребности в привязанностях. В определенном смысле миграционные процессы вызваны лихорадочным поиском утраченной связи с пространством и невозможностью воссоединения с ним.

Тем временем пустота, образовавшаяся на том месте, которое прежде занимал непостижимый *рельефный* ландшафт, требует восполнить утраченное в прежнем объеме. *Плоскость* экрана, нечувствительная к человеческим потребностям и неспособная предложить что-то равноценное чувствам, замещает их симуляцией – вещами, обещающими мгновенный восторг, уходящий, тем не менее, так же быстро, как и приходящий. При этом сами вещи стремятся скрыть свое присутствие в пространстве, начиная с самих экранов, толщина которых в скором времени достигнет толщины листа бумаги. В результате ложный марш технокультуры, возникший из смертельных ловушек прогресса, которые обещали новый безопасный мир, расплывчат Землю и наше представление о пространстве, делая его видимым только под присмотром искусственного света и на сияющей поверхности экранов.

Список литературы

1. Гаврилина Л. М. «Дух Места» современного города как экзистенциальная потребность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 110–120.
2. Григорьева М. А. Феноменологическое раскрытие географического пространства Эриком Дарделем // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 60–65.
3. Николаева А. Б. Персона ученого сквозь его концепции: обманная реальность мирного времени в философских исследованиях Поля Вирильо // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (36). С. 36–40.
4. Романов К. В., Берк Д. Идейное наследие Поля Вирильо // ЭкоПоэзис: экогуманитарные теория и практика. 2022. Вып. 3, № 1. С. 18–27.
5. Сидоров А. М. Поль Вирильо: тело, скорость и современное искусство // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. Вып. 2, № 3. С. 137–144.
6. Флюссер В. Мой Атлас / пер. с англ. М. А. Григорьевой // KANT: Social science & Humanities. 2023. № 3(15). С. 4–9.
7. de Certeau M. The practice of everyday life / translated by Steven Rendall. – London: University of California Press; Berkeley Los Angeles, 1988. 230 p.
8. Flusser V. Skin // Flusser Studies 02. Pp. 1–9. URL: <https://flusserstudies.net/>
9. Hill D. W. Speed and pessimism: moral experience in the work of Paul Virilio // Journal for Cultural Research. 2019. 23:4. Pp. 411–424.
10. Li Tian. Phenomenology of the Speed of Light: Paul Virilio's Philosophy of Speed and Critique of Modernity[J] // Theoretical Studies in Literature and Art. 2023. № 43 (4). Pp. 104–114.
11. McLuhan M. Living at the Speed of Light // MacLean's Magazine. 1980, January 7. Pp. 32–33.
12. McLuhan M. Understanding Media: The extensions of man. – London and New York: Gingko Press, 2003. 396 p. URL: <https://designopendata.files.wordpress.com/2014/05/understanding-media-mcluhan.pdf>
13. Redhead Steve. The Art of the Accident: Paul Virilio and Accelerated Modernity // Fast Capitalism. 2006. Vol. 2, № 1. Pp. 11–18.
14. Virilio P. La crise des dimensions. La représentation de l'espace et la crise de la notion de dimension. [Rapport de recherche] 173/83, Ministère de l'urbanisme et du logement / Secrétariat de la recherche architecturale (SRA); École spéciale d'architecture / Unité de recherche appliquée (UDRA). 1983. fhal-01886684f. URL: <https://hal.science/hal-01886684/document>
15. Virilio P. La lumière indirecte // Communications. Fait partie d'un numéro thématique: Vidéo. 1988. № 48. Pp. 45–52. URL: https://www.persee.fr/doc/comm_0588-8018_1988_num_48_1_1719
16. Virilio P. Le privilège de l'œil // Quaderni. 1993. № 21. Pp. 75–88. URL: https://www.persee.fr/doc/quad_0987-1381_1993_num_21_1_1040
17. Virilio P. Les perspectives du temps réel // Chimères. Revue des schizoanalyses // Chimères. Revue des schizoanalyses. 1991. № 11. Pp. 15–26. URL: https://www.persee.fr/doc/chime_0986-6035_1991_num_11_1_1746
18. Virilio P. L'horizon négatif. Essai de dromoscopie. Paris: Éditions Galilée, 1984. 308 p.
19. Virilio P. Une anthropologie du pressentiment // L'Homme. 2008. no 185–186. Lanthropologue et le contemporain: autour de Marc Augé mis en ligne. Pp. 97–104. URL: <http://journals.openedition.org/lhomme/24119>

*

Поступила в редакцию 05.03.2024